

Л. Р. Дускаева
Т. И. КрасноваL. R. Duskaeva
T. I. Krasnova
St. Petersburg, Russia**ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ
И МОДАЛИЗАЦИЯ МЕДИАТЕКСТА
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ
(опыт обобщения)****INTENTIONALITY AND MORALIZATION
OF MEDIATEXT IN THE CONTEXT
OF CULTURE
(the experience of the generalization)**

Аннотация. Рассматриваются вопросы анализа речевой структуры политических медиатекстов, а также вопросы взаимосвязанного понимания категорий интенциональности, текстовой модальности и референции. В центре внимания — семантика медиатекста и дискурса, испытывающая влияние внешнего (социокультурного) и внутреннего (ментального) контекстов. Излагаются общие проблемы интерпретации медиатекстов с использованием терминов «интенциональность», «идеологическая модализация», «идеологическая оценка», «ментальное состояние». Обосновывается основополагающая роль модальных нагрузок в построении картины мира и формации медиатекста.

Abstract. The article is devoted to analysis of the speech structure of the political media texts, as well as the interrelated categories of intentionality, understanding of the text by modality and references. The focus is the media text and discourse semantics, experiencing the impact of the external (socio-cultural) and internal (mental) contexts. Presentation devoted to general problems of interpretation of the texts using the terms “intentionality”, “ideological modalization”, “ideological score”, “mental state”. The foundation role of modality in the world picture construction and media text creation is proved.

Ключевые слова: медиатекст; контекст; интенциональность; ментальное состояние; модус; оценка; предикат; модальность; идеологическая модализация.

Key words: media text; context; intentionality; mental status; modus; score; predicate; modality; ideological modalization.

Сведения об авторе: Дускаева Лилия Рашидовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой речевой коммуникации, Институт «Высшая школа журналистики и прикладных коммуникаций».

About the author: Duskaeva Liliya Rashidovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Speech Communication, Institute “Graduate School of Journalism and Mass Media Communication”.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Place of employment: St. Petersburg State University.

Контактная информация: 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26, к. 703.
e-mail: lrd2005@yandex.ru.

Сведения об авторе: Краснова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речевой коммуникации, Институт «Высшая школа журналистики и прикладных коммуникаций».

About the author: Krasnova Tatiana Ivanovna, candidate of philological sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Verbal Communication, Institute “Graduate School of Journalism and Mass Media Communication”.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Place of employment: St. Petersburg State University.

Контактная информация: 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26, к. 703.
e-mail: taikrasnova@yandex.ru.

Интенциональность и связанные с ней категории модуса и модальности играют ключевую роль в теории порождения речи [Ср.: КСКТ 1996: 129; Зеленщиков 1997: 198—218 и сл.]. Речь рассматривается как система культурно обусловленного поведения (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Б. М. Гаспаров, Г. В. Елизарова, А. А. Зализняк, В. В. Колесов, Ю. М. Лотман, Е. В. Падучева, Ю. С. Степанов, Д. Н. Шмелев и др.), поскольку убеждения и ценности представляют собой некие точки отсчета и определяют поведение человека [Нумес 1995: 274; Елиза-

рова 2000: 23]. Убеждения, касающиеся взаимоотношений форм пропозиций, и ценности, которые ассоциируются с этими убеждениями, позволяют человеку соотносить их со своим внутренним состоянием и конструировать свое поведение и видение действительности в оценочных модальностях. В ментальном мире говорящего такое видение представляет собой модель интерпретации действительности, основанную не только на соотношении базовых модальных сущностей Действительного, Возможного и Необходимого, но и с учетом аксиологиче-

ских аспектов модальности [См.: Краснова 1999]. В этом смысле медиатекст — это сконструированное речевое поведение, соответствующее интенциональному состоянию (~ ментальности говорящего) и культурным моделям описывающего или предписывающего характера.

Для интерпретации медиадискурса наиболее важным оказывается понятие интенциональности и анализ ее проявлений в речи, связанных с модальностью. Обратимся сначала к трактовкам интенциональности, чтобы выявить ее связь с категорией «медиа-текст».

Анализ интенциональности, в частности выявление доминирующих интенций в общественном сознании при интерпретации медиатекстов, стало следствием развития когнитивного метода в области исследований политической коммуникации и медиадискурса [Кожина 1996; Солганик 2000; Кубрякова 2001; Клушина 2008; Павлова 2000; Дускаева 2012 и др.]. В **философских** исследованиях интенциональность рассматривается как активное сознание, направленная на установление связей с окружающим миром, на постижение предметного мира действительности. Считается, что в лингвистику указанное понятие вошло после работ Д. Серла, который определил его как соотношенность сознания и предмета, в результате которой происходит смыслообразование, предназначенное для речевого выражения. Тем самым интенциональность становится предметом лингвистической рефлексии. Однако у Д. Серла речь идет об интенции речевых актов, а не текстов. Смена научной парадигмы, начавшаяся в 1970-х гг., выразившаяся в отказе от изучения языка как имманентно понимаемой системы и в переходе к изучению языка как деятельности, актуализировала в этой категории такие компоненты значения, как намеренность, целенаправленная активность сознания, связь с деятельностью и достижением определенного результата (работы И. П. Сусова, Г. В. Колшанского, Т. М. Дридзе, А. А. Залевской, Р. М. Фрумкиной, Е. С. Кубряковой и др.). Такое широкое понимание интенциональности стало использоваться для смыслового анализа не только речевых единиц, но и текста. Представления о включенности текста в деятельность, подтвержденные исследованиями по психосемантике речи, в лингвоориентированной аналитической философии вписались в сегодняшнюю гуманитаристику и прочно утвердили представление о том, что интенциональность субъекта речи, активность его сознания являются мотивационно-смысловыми детерминанта-

ми, определяющими направленность, содержание и структуру речевой деятельности, без которых невозможно полноценное ее изучение.

По данным исследований **психологов**, выражение интенционального состояния человека следует считать важнейшей составляющей речевого взаимодействия [См., напр.: Павлова 2000]. Не случайно в психологии интенции рассматриваются как предметные направленности субъекта, выступающие основой и глубинным содержанием речи, которое непосредственно связано с целями деятельности и «видением мира» субъектом, его желаниями, нуждами, установками. В современных семантических исследованиях текста интенциональность понимается как замысел и детерминант его смысловой структуры [Напр.: Кубрякова 2001: 77]. Аналогичен подход к определению роли интенциональности в **функциональной стилистике**, исследующей речемыслительную деятельность, где смысловая структура как воплощение замысла текста рассматривается в совокупности экстралингвистических факторов, выступающих основой текстопорождения в определенной сфере общения [Кожина 1996: 77]. Замысел текста многослоен: «Главное отличие смысловой структуры целого текста — в возможности объективации в ней, отражении не только собственно фрагмента действительности (денотата в узком смысле — вещи, факта), но и процессов коммуникативно-познавательной (когнитивной) деятельности субъекта, как и структуры самого знания, а также — шире — социокультурного контекста» [Кожина 1996: 86]. Следовательно, в смысловой структуре текста усматривается иерархичность, отражающая не только фрагмент действительности (денотат), но и целенаправленную активность сознания познающего субъекта, связывающую коммуникативную деятельность с достижением определенного результата. О такой многослойности интенциональности сознания, мотивирующей формирование смысловой структуры журналистских текстов, пишет психолог Н. Д. Павлова: «Интенциональная структура текстов представляет собой иерархически организованную систему. Направленность на действительность образует нижний уровень иерархии. Интенции второго уровня — апологизация и критика — модифицируют анализ действительности и в свою очередь испытывают влияние направленности говорящего на аудиторию. Направленность на адресата, воздействие, агитацию составляет верхний уровень системы. Под влиянием этой направленности интенции нижних уровней ие-

рархии приобретают конкретно соотнесенное с адресатом выражение, обеспечивающее адекватное восприятие и пропагандистское воздействие выступления. Интенции скоординированы между собой и иерархичны. За речью — целостное интенциональное состояние говорящего. Интенциональность в конкретном акте создания текста формируется как „взаимосвязь и соподчинение интенций“, что позволяет „обосновать представление об иерархичности интенционального состояния субъекта речи“» [Павлова 2000: 23].

Транспонируя эти выводы на интенциональность автора-журналиста, мы рассматриваем его речь (текст) как многослойное иерархическое образование, в котором взаимодействуют дескриптивная составляющая (тот или иной фрагмент действительности) и модусная составляющая, которая включает, в свою очередь, валуативную, определяющую общественную ценность дескриптивного содержания медиатекстов, и нормативно-побудительную, формируемую на основе определения ценности дескриптивного. Важно подчеркнуть при этом, что модусная ориентированность, которая фокусирует взгляд на мир, оказывается важнейшей в смысловой организации медиатекста, поскольку определяет смысл информирования, формируя специфическое ценностное содержание медиатекста. Экстралингвистические факторы ориентированности в медиатексте, согласно Г. Я. Солганику, это «общественные интересы», а также «представления субъекта речи о пользе, выгоде, политических целях» [Солганик 2000: 15]. Отбираемая для публикации фактуальная сторона сообщения определяется модусом установочного целеполагания (тем, что необходимо, возможно или желательно показать). Следовательно, в смысловой структуре медиатекста отражается не просто тот или иной фрагмент мира, но опыт его восприятия и осмысления, что позволяет «установить, с каким видением мира мы столкнулись в данном тексте, что и по какой причине привлекло внимание человека, какие именно фрагменты знания и оценок в нем закреплены и т. д.» [Кубрякова 2001: 78].

Обратимся к понятиям модальности и модализации медиатекста, затрагивающим ряд других важнейших категорий семантики.

Специфика идеологической работы в сфере публицистики состоит в том, что это пропагандистская деятельность ярко выраженной оценочной (прагматической) направленности. Прагматика ставит в центр внимания речевой акт, основные компоненты которого хорошо известны (К. Бюлер) и получи-

ли подробное освещение (работы Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, Т. В. Шмелевой и др.). Особенное внимание уделяется семантике, связанной с вектором «автор — адресат» (или «идеолог → адресат»). Такая семантика получила в некоторых работах наименование интересубъектной (межличностной) модальности. По текстоцентрической концепции А. Г. Баранова [Баранов 1993], содержание и объем модальности определяется через разнообразные отношения между участниками текстовой деятельности. В текстоцентрической концепции выявляется цепочка зависимостей когнитивных, поведенческих и коммуникативных функций языка. Примечательно, что она выражается отношением соответствия в группе «ЦЕННОСТЬ — ОЦЕНКА — МОДАЛИЗАЦИЯ».

Согласно исследованиям [Марьянчик 2013], наиболее активны в медиаполитическом тексте идеологическая, интеллектуальная, этическая и утилитарная оценки. К тому же в область ценностей (в рамках той или иной культуры) нас приводят эмоциональные факторы желаний и нужды, привносимые в убеждения, в то время как «ценности — это внутренние ... стандарты для направления действий...» [Rokeach 1968: 160]. *Идеологическая модальность* (разновидность аксиологической) рассматривается как совокупность оценочных значений и отношений, которые базируются на политических взглядах [Ср.: Марьянчик 2013: 16—17]. Основная задача идеологической модальности — управление процессом интерпретации высказываний адресатом. Мы исходим из того, что интерпретирующая функция базируется на ценностных параметрах отражения действительности, проявляется через поведенческие ориентировки и регуляции, в основе которых лежит оценка, или главная составляющая эмоций, как отмечают психологи. Оценка является *интенциональной основой механизмов модализации*, служащих задачам идеологии, поскольку выполняет функцию связующего звена между ментальной сферой говорящего и социально-культурным контекстом. Именно оценке принадлежит ведущая роль в изменении значений, в переоценке слова и его перемещению из одного ценностного контекста в другой. *Идеологическая оценка* (с ограничивающим ее концептом «приятие» или «неприятие») rozpoзнается в дискурсе как модальная рамка, которая накладывается на дескриптивное содержание языковых выражений, но, строго говоря, определяется видом дискурса в целом, т. е. всем комплексом его элементов, включая идеологическую основу, модальность, точку зрения, ситуативную пресуппо-

зицию высказывания, стереотипы и шкалу оценок, которые существуют в культурных представлениях говорящих (или созданы усилиями групп). *Идеологическая модализация*, с нашей точки зрения, связана с ценностными источниками смысла и способствует процессу переосмысления слова в дискурсе. Например, модализация приятием/неприятием обеспечивается, условно говоря, ментальными действиями интерпретатора, которые мы бы назвали не совсем осознанным выбором в духе реакции *принимаю/отвергаю*.

Направление соответствия между идеологической пропозицией и действительностью оформляется модалностью: либо *мир* выступает в качестве «точки отправления» и заданного критерия истинности слов (онтологическая модалность, *de re*), либо же *слова* рассматриваются как своего рода проект, в соответствии с которым строится новое положение дел в мире (деонтическая модалность, *de dicto*). Слова, или модалные операторы (модалные глаголы, глаголы пропозициональной установки, вводно-модалные слова и оценочные слова), создают уровень интерпретации, который целиком подчинен функционированию категории модалности и процессу текстовой модализации.

Как уже говорилось, основная задача модалности — управление процессом интерпретации высказываний адресатом. При этом в речи фактор модалности связан с разными аспектами оценочности и выбором предоставляемых языком способов выражения значений говорящим. Отметим здесь *идеологически обеспеченный культурой* характер модализации в медиатексте: она служит процессу эффективного внедрения риторической формы идеологии в общественное сознание. В этой связи нельзя не сказать о своеобразии категории «**точка зрения**» в дискурсе. ^Аксиологическое видение прямо зависит от точки зрения, с которой ведется наблюдение. Именно точка зрения определяет интерпретацию объекта субъектом (модалность лишь управляет этим процессом). При этом «точка зрения» обозначает способ существования текстов в дискурсе как явления скорее автономного по отношению к говорящему. Этот способ существования подразумевает извне *заданный* идеологический проект, культуру ограничения, настроенную «оптику» рассмотрения объекта и актуализационные возможности формы. В рамке пресуппозиции точка зрения существует вместе с субъектом идеологии и способна определять в тексте направление смыслового означивания. При этом текст может пониматься лишь в рамках

системы ценностных установок, имеющих единый смысл для интерпретаторов.

Для изучения особенностей отображения «картины мира» необходимо прежде всего понимание важности процессов номинации и предикации как основных для порождения речи в определенном контексте.

В конкретном высказывании **номинации**, а также пропозиция в целом имеют своих референтов и свою референцию в структуре действительности. Референцию определяют как ту информацию, которую имя сообщает слушателю. Исходят из существования двух уровней референции — уровня внутренних потенциальных свойств лексической единицы и уровня актуальной референции в речевых актах [См.: Николаева 1987: 121 и сл.]. Актуальное реферирование считается мысленным действием говорящих, а не выражением. «Референция наряду с предикацией составляет основу языковой коммуникации. Используя языковые единицы, мы, во-первых, осуществляем референцию к внеязыковым объектам, а во-вторых, приписываем (предсказываем) им какие-то свойства» [Шмелев 2002: 16]. При этом «именно оценка определяет то, что данное предметное значение вошло в кругозор говорящих» [Волошинов 1995: 324]. Референция и оценка связаны в ментальном поле медиатекста. Референция создается не только референцией предметных наименований (термов), но и референцией компонентов с пропозициональным значением, которые в нашем материале соотносятся с фактами, событиями, ситуациями, вызывающими приятие или неприятие идеологического субъекта.

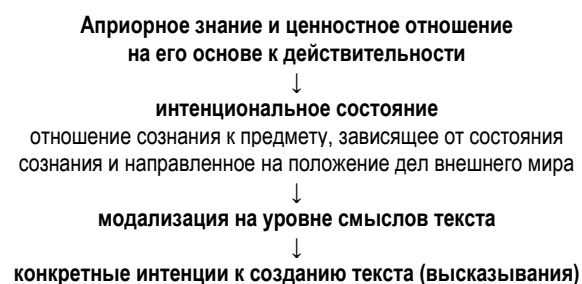
Например, ниже предикаты диктума выражают объективную информацию. Это глаголы акционального подкласса с его семантическими разрядами физического действия, перемещения, речевого действия и социальных intersубъектных действий: «Был принят целый ряд полицейских мер. Председательская трибуна *была окружена охраной* из латышей, а позади слушателей *размещены группы красноармейцев*. У входа в дом Урицкого, где происходил митинг, *стояли наготове два броневика*. По закрытию митинга все выступавшие *были арестованы*» (Варшавская речь, 1919). Перед обозначенными «фактами» в речь вводится отрицательный смысл (были приняты «полицейские меры»), и возникает целенаправленное высказывание, к которому может быть применен критерий идеологической оценки с концептом «неприятие». В философии понятие «экзистенция» не случайно связывается с понятием «**предикация**» (Э. Мах, А. Дж. Айер, Б. Рассел, Э. Гуссерль,

Ж.-П. Сартр, А. Ф. Лосев; из лингвистов — Ю. С. Степанов, В. В. Колесов; см. обзор мнений в монографии: [Степанов 2010. Гл. IV]. Пространственно-временные координаты говорящего (актуализационная рамка «я — здесь — сейчас») неразрывно связаны с предикацией. Но в соответствии с *интенционально обусловленной модализацией* находится и другая функция предиката — его способность образовывать смысл высказывания *под диктатом* концепта «приятие»/«неприятие». Предикаты соответствуют не «вещам», а «отношениям». Предикаты выступают в роли особых семантических сущностей языка, которые типизируются не в форме словарных единиц, глаголов, а в форме *пропозициональных функций* и соответствующих им схем предложений. В этом смысле *актуализационные категории модуса в структуре синтаксической организации предложения* включаются, чтобы отобразить состояние мира, причем не только внешнего, но и внутреннего (ментального). Сравните: «Предикат существенно всегда понимался как некое совпадение „внешних“, объективных отношений, существующих в мире, и „внутренних“ отношений, существующих в акте предикации в нашем сознании» [Степанов 2010: 139]. Физическое и психическое, объективное и субъективное в определенные моменты содержат общие элементы; предикация осознавалась как связь и момент этой общности.

В трактовке понятий «ментальное состояние» и «модализация» мы придерживаемся взглядов, синтезирующих психологическую природу порождения речи [Греймас, Фонтаний 2007]. Ментальное состояние понимается как «состояние вещей» в трансформируемом субъектом мире; но это также «состояние души» субъекта-оператора, который готов к действию, и само переживание отношения в различных аспектах и трансформациях. Ментальное состояние уже предполагает концептуальную структуру и код, предшествующие речи. Эмоции, согласно данным психолингвистики, проявляются как «наиболее глубокие формы категоризации, определяющие общие контуры выстраиваемого сознанием концептуального образа мира» [Оптимизация речевого воздействия 1990: 24]. Переживание отношения выражается в **модализации** субъекта через модализацию объекта (ср., например, идеологизированные сейчас в медиадискурсе термы *Россия* или *Украина*) и далее вкладывается, благодаря языку, в речь и тексты. Модализация существует в определенной мере как *процесс передачи интенционального состояния*. Этот процесс сводится

к репрезентации своих убеждений, мотивов, оценок и к стремлению «заразить» ими адресата, т. е. повлиять на состояние собеседника так, чтобы оно соответствовало желаниям говорящего.

Мы выделяем дотекстовый и текстовый этапы модализации. В ментальном поле дискурса *дотекстовый* этап модализации высказываний можно представить как психически детерминированное пропозициональное отношение. Оно складывается на уровне сознания с учетом ряда зависимостей в поле внутреннего.

Имея в виду *текстовый* этап модализации, отметим другие существенные моменты. До некоторых пор область модальных категорий была так малоизучена, что полагались в основном на предикат, на перечни модальных глаголов и эксплицитный модус в духе Ш. Балли. Теперь можно говорить о модализации в узком и в широком смысле. В *узком* смысле модализация включает в себя то, что традиционно называется модальностью (знание, хотение, долженствование, возможность/невозможность, уверенность/неуверенность и т. п.). Все известные нам модальности происходят из рациональной категоризации и составляют, таким образом, модальные структуры — часть инструментария «семиотики страстей» и способа интерпретации происходящего [См.: Греймас, Фонтаний 2007]. Другая же часть, если понимать модализацию в *широком* смысле, — это наблюдаемые на уровне поверхностных нарративных структур модальные устройства, охватывающие прагматическую и когнитивную области. Это пересечение множества структур, путь от одной модализации к другой в течение всего синтаксического развертывания. В силу этого предикат может быть сверхдетерминирован: его идеологическое означивание может передаваться несколькими модусными категориями — актуализационными, квалификативно-оценочными, социальными. Так, в следующем высказывании грамматическая модальность предиката событийного действия (семантика быденного настоящего в видовой форме глагола) интенционально сопряжена с модальностью обвинения: ...*слышат выстрелы на*

Софийской площади и на окраинах подола. Это — ваши ярые „співробітнікі“ расстреливают ни в чем не повинных людей, попавших к ним в руки (Варшавская речь, 1919). Модальная нагрузка определяет сначала предикат в его связывающей функции, а затем способна распределяться, вкладываясь в каждую актантную позицию: в наименование агенса (вы, «ваши ярые „співробітнікі“») или пациенса («ни в чем не повинных людей»). Таким образом, к инструментарию модализации, помимо лексических наименований, относится схемная семантика, актанты, характер предикации (агенса, пациенса, производимое действие), — иначе говоря, концептуальное объединение, интерпретация (Ср. с интенциональными категориями интерпретации, выделенными в публицистическом тексте Н. И. Клушиной [Клушина 2008]. Список категорий составили наименование, идеологема, оценка, интерпретация, стереотип, тональность). Важно, что актантные категории в их ролевой семантике и характер их обозначения в целом носят модальный характер и способны наделять собственным модальным статусом сообщение как «зрелище» (spectacle). Сама структура сообщения предписывает определенное видение мира. Оно прямо связано с состоянием сознания того, кто говорит, и способно передаваться тому, кто воспринимает речь.

В целом можно констатировать следующее. В междисциплинарных исследованиях, связавших в процессе разработки «теории речевых актов» лингвистическую философию и психологию, интенциональность относят к свойству многих ментальных состояний субъекта речи. Один и тот же объект может становиться разными предметами в зависимости от типа сознания: воспринимают этот предмет или судят о нем, ненавидят его или любят и т. п. В этом смысле говорят об «интенциональном существовании предмета внутри душевного акта» (Ф. Brentano, Э. Гуссерль) [Степанов 2010: 204]. Отношение сознания к предмету может принимать различные модификации, зависящие уже не от предмета — от состояния сознания. В этой связи различают виды или «модусы интенциональности». Под этим названием Э. Гуссерль ввел, по существу, «субъективные модусы значения» [Степанов 2010: 204], а М. М. Бахтин — В. Н. Волошинов отнесли такие значения к роду жизненных, психико-идеологических смыслов в составе социологической структуры высказывания [Волошинов 1995: 73, 75, 84, 151, 163—169, 221—228, 315]. Очевидно и другое: проблема интенциональных актов относится к проблеме описания модальностей, которые из-

вестны под именем «пропозициональных установок» (типа «Он считает, что...»). По Э. Гуссерлю, не только языковое высказывание, но и любое познавательное «переживание» (восприятие, представление предмета) заключает в себе «значение», «смысл». Следовательно, само значение слова (высказывания) определяется тем, что в «переживании» заключено отношение к предмету (см.: [Степанов 2010: 204]. Ю. С. Степанов считает, что восприятие предмета как значения вообще есть один из главных семиотических законов; см. также: [Степанов 1971: 27]). Такое значение связывается с целью говорящего, так как является результатом его действий. Следует добавить: на уровне дискурс-анализа важен не столько даже фактор значения слова, сколько его иллокутивная сила — эффект значимости, выделенности образованного смысла, «матрицей» которого (местом образования) является дискурсная формация [Ср.: Квадратура 1999: 266]. Скажем, общей чертой кризисного времени перемен выступает так называемый негативизм и связанная с ним модализованная неприятием референт-ситуация в медиатексте. В глубинной основе идеология отрицания — это внутреннее психическое переживание, становящееся внешним. Модализация дискурса неприятием образует ментальную область, в которой обозначается новое содержание концептов (ср. *Россия и Украина*), устанавливаются рамки новых оценок, санкционированных общественной группой. Всё это подводит к осознанию **основополагающей роли модальных нагрузок** в построении картины мира и формации медиатекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М. : Языки русской культуры, 1999.
2. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. — Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1993.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / отв. ред. М. А. Кронгауз. — М. : Рус. словари, 1996.
4. Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук. — СПб., 1995.
5. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ : лингвистика языкового существования. — М. : Нов. лит. обзор, 1996.
6. Греймас А.-Ж., Фонтань Ж. Семиотика страстей : от состояния вещей к состоянию души : пер. с фр. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
7. Дускаева Л. Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 2. С. 253—262.
8. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. — М. : Гнозис, 2005.

9. Зеленицков А. В. Пропозиция и модальность. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997.
10. Елизарова Г. В. Культурологическая лингвистика (опыт исследования понятия в методических целях). — СПб. : Бельведер, 2000.
11. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. — М. : Языки славянской культуры, 2005. (Язык. Семиотика. Культура).
12. Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серию. — М. : Прогресс, 1999.
13. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000—2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008.
14. Кожина М. Н. Смысловая структура текста в аспекте стилистики научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Стилистика научного текста. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1996. Т. 2, ч. 1. С. 72—93.
15. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2006.
16. Краснова Т. И. Структура эмигрантского газетного текста // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. 1999. Сер. 2. Вып. 2 (№ 9). С. 93—100.
17. Краткий словарь когнитивных терминов = КСКТ / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М. : Моск. гос. ун-т, филол. фак., 1997.
18. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. — М., 2001. Т. 1. С. 72—81.
19. Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиаполитического текста (лингвостилистический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Архангельск, 2013.
20. Николаева Т. М. О логико-семантических работах современных французских лингвистов // Вопросы языкознания. 1987. № 6.
21. Оптимизация речевого воздействия / Н. А. Безменова, В. П. Белянин, Н. Н. Богомолова и др. ; отв. ред. Р. Г. Котов. — М. : Наука. 1990.
22. Павлова Н. Д. Коммуникативная функция речи: интенциональная и интерактивная составляющие : дис. ... д-ра психол. наук. — М., 2000.
23. Падучева Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. — М. : Языки рус. культуры, 1996.
24. Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. — М., 2000. С. 5—17.
25. Степанов Ю. С. Семиотика. — М., 1971.
26. Степанов Ю. С. Константы: слов. русской культуры: опыт исследования. 2-е изд., испр. и доп. — М. : Академический проект, 2001.
27. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / отв. ред. В. П. Нерознак. 2-е изд. — М. : Либроком, 2010.
28. Hymes D. The Ethnography of Speaking // Language Culture and Society / ed. by B. G. Blount. — Prospect Heights (Ill), 1995. P. 248—282.
29. Rokeach M. Beliefs, attitudes and values. — San Francisco, 1968.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.